

Счастье быть полезным

Первые ростки будущего расцвета белорусской науки начали пробиваться с созданием Института белорусской культуры в 1922 году. Основополагающим этапом в ее развитии стало открытие в 1929 году Академии наук. Многие для развития АН БССР сделал ее президент В.Ф. Купревич. Золотыми буквами вписаны в историю кардинальные научные преобразования, инициатором которых являлся президент Белорусской академии наук, изобретательный физик, прозорливый организатор, смелый реформатор академик Николай Александрович БОРИСЕВИЧ. Почти два десятилетия его президентства, во многом обусловившие взлет отечественной науки, справедливо окрестили началом «золотого века белорусской науки».

Сегодня почетный президент, советник Президиума Национальной академии наук Беларуси, заслуженный деятель науки Республики Беларусь, Герой Социалистического Труда, заведующий лабораторией Института физики НАН Беларуси академик Николай Борисевич – гость редакции журнала «Беларуская думка».

— **Н**аука всегда была важнейшим фактором развития общества. Пик ее расцвета в Беларуси пришелся на 60–80-е годы XX столетия, когда наша Академия наук была частью советской системы. Николай Александрович, как удалось привлечь внимание к решению научных проблем именно в БССР?

— В 1969 году, когда я принял высокий пост президента Академии наук БССР от своего предшественника академика В.Ф. Купревича, в главной научной организации страны уже была сформирована сеть отделений и институтов. Но в целом Белорусская ССР в сравнении с другими союзными республиками в значительной степени отставала по количеству кадров высшей квалификации в вузах и академии. Существовал также определенный разрыв между наукой и практикой. Базы, где исследователь мог апробировать и претворить свои идеи в жизнь, фактически не было. Впрочем, финансирование Академии тоже было довольно скромным, что не способствовало внедрению новшеств, а соответственно, и научно-техническому прогрессу.

Я понимал, что сблизить науку с практикой, с промышленностью без создания

опытной базы в научно-исследовательских институтах практически невозможно. Прокру в том, что НИИ будут передавать свои разработки в министерства, мало: трудно оценить новации ученых, изложенные лишь на бумаге, без наглядного экспериментального образца.

Сложившуюся ситуацию нужно было исправлять. По моему предложению Президиумом АН БССР была подготовлена аналитическая записка в ЦК КПБ и Совет Министров «О необходимости повышения темпов развития науки в Белорусской ССР».

В документе аргументированно показано, что по количеству научных сотрудников, а также по объему финансирования Белорусская ССР, с учетом численности населения, находилась почти на предпоследних позициях среди советских республик. Разумеется, во многом сложившаяся ситуация была обусловлена тем, что после войны у нас сохранилась слабая исходная база.

— **Смелость города берет! Но разве не опасно было по тем временам открыто писать о таких вещах в ЦК?**

— Да, я понимал, руководство республики вполне могло расценить это заявление как недовольство ученых. Недоброжелатели и так считали меня националистом, а тут еще в документе ратую за привлечение национальных кадров в науку и образование. Предупреждали и сторонники, что это достаточно опрометчивый шаг. Говорили: «Николай Александрович, головы не сносить, вопросы-то национальные!» Но я ведь пришел на свой пост не для того, чтобы отсиживаться в высоком кресле с президентским титулом, а развивать науку, не закрывая глаза на недостатки. Вот поэтому честно и написал, что потенциальные возможности талантливого белорусского народа в развитии науки, техники и культуры используются недостаточно. Наше начальство, курирующее образование и науку, с неодобрением встретило эту записку. Но высшее руководство республики серьезно отнеслось к решению поднятых Академией вопросов и поручило специально созданной комиссии ЦК КПБ и Совмина выработать предложения по исправлению ситуации в науке. С теми проблемами, ко-

ПАТРІЯРХІ
БЕЛАРУСКОЙ
НАВУКІ

торые не могли решить в Беларуси, обратились в Москву, где они были рассмотрены в ЦК КПСС. Л. Брежнев поручил академику М. Келдышу – президенту АН СССР, В. Кириллину – председателю ГКНТ и Н. Байбакову – председателю Госплана принять меры по ускоренному развитию науки и образования в Беларуси.

– Неужели по количеству научных кадров белорусская наука так сильно отставала от других союзных республик?

– Аналогичная реакция «не может такого быть» прозвучала, когда моя аналитическая записка попала в ЦК КПБ. Но факты – вещь упрямая. Так, количество научных работников в Беларуси в расчете на 10 тыс. человек населения в 1968 году составляло всего лишь 20,9 человека. В то время как в Армении – 44,2 человека, Латвии – 34,6, Эстонии – 31,8, Украине – 24,4. Отставала Беларусь в сравнении с другими союзными республиками и по количеству кандидатов и докторов, и по удельному весу числа всех научных сотрудников. Получается, Белорусская академия наук за 40 лет своего существования получила меньшее развитие, чем большинство академий союзных республик за 20–25 лет, а некоторых – за 15–17, как Казахская, Азербайджанская или Узбекская академии наук.

Наше существенное отставание обуславливалось тогда в том числе и малочисленностью подготавливаемых в вузах кадров высшей квалификации, столь необходимых для дальнейшего развития науки и народного хозяйства республики. Например, учащиеся вузов в 1969 году в расчете на 10 тыс. населения у нас составляли 148 человек, в то время как в Армянской республике – 220 человек, Узбекской – 192, Литовской – 176, Украинской – 169. Аналогично обстояли дела и с подготовкой научных кадров через аспирантуру.

– А проблема внедрения научных разработок в практику? Удалось найти оптимальное решение?

– Постановлением Совета Министров от 18 мая 1970 года «О мерах по дальнейшему развитию науки и укреплению ее связей с производством» была поддержана наша инициатива по созданию конструкторских бюро с опытным производством. Считаю это одним из самых значимых достижений. Первое, что было сделано, – создано

Почетный президент НАН Беларуси, академик Николай Александрович Борисевич

центральное конструкторское бюро с опытным производством Академии наук, которое находилось в ведении Президиума. А затем аналогичные структуры – КБ с опытным производством – в каждом институте технического и физического профиля, а также экспериментальные базы при учреждениях биологического и химического профиля.

Наше нововведение позволило белорусской науке совершить прорыв, ощутимый скачок в своем развитии. Сегодня это уже стало историей, но в то время создание таких структур позволило тиражировать тысячи новых образцов и ряд технологий, которые были внедрены в масштабах СССР. Кроме того, разве не замечательно, что в институте можно было сделать установку для выполнения научной работы аспиранта или докторанта?!

– Защита интеллектуальной собственности – неотъемлемое право

НАШЕ ДОСЬЕ

БОРИСЕВИЧ Николай Александрович.

Физик, государственный и общественный деятель, академик Национальной академии наук Беларуси (1969; член-корреспондент с 1966), академик АН СССР (1981), Российской АН (1991). Доктор физико-математических наук (1965), профессор (1967). Герой Социалистического Труда (1978). Заслуженный деятель науки Республики Беларусь (1994). Участник Великой Отечественной войны.

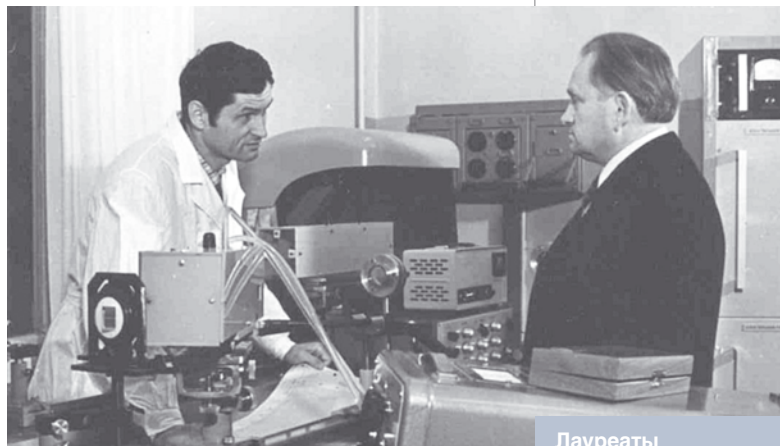
Родился в 1923 году в поселке Лучной Мост Березинского района Минской области. Окончил Белгосуниверситет (1950). В 1955–1969 годах – заместитель директора и заведующий лабораторией (с 1957) Института физики (в 1992–2007 годах – Институт молекулярной и атомной физики). Одновременно в 1954–1963 годах доцент Белгосуниверситета. С января 1969 года – вице-президент, с мая 1969 по март 1987 года – президент Академии наук БССР, в 1987–2006 годах – заведующий лабораторией Физического института имени П.И. Лебедева Российской АН. С 2007 года – заведующий лабораторией Института физики имени Б.И. Степанова НАН Беларуси. С 1992 года почетный президент НАН Беларуси. В 1971–1987 годах – председатель комитета по Государственным премиям БССР в области науки и техники. В 1969–1989 годах – депутат Верховного Совета СССР.

Сфера научных интересов: исследования по люминесценции и спектроскопии сложных молекул, квантовой электронике, инфракрасной технике.

Награжден орденами Ленина (1971, 1975, 1978, 1983), Октябрьской Революции (1973), Трудового Красного Знамени (1967), Отечественной войны I (1945) и II (1985) степеней, орденами Красной Звезды (1944, 1945), Дружбы (2001), Франциска Скорины (2003), медалями. Награжден Польской АН медалью Николая Коперника (1973), Чехословацкой АН – золотой медалью «За заслуги перед наукой и человечеством» (1983), Словацкой АН – золотой медалью «За исключительные заслуги перед наукой» (1983). Лауреат Государственной премии СССР (1973), Ленинской премии (1980), Государственной премии Республики Беларусь (1998) и других.

изобретателей и авторов уникальных научных разработок. Как обстояли дела с патентованием ноу-хау?

– Могу обрисовать вам сложившуюся тогда ситуацию на собственном опыте. За научную работу по исследованию и созданию нового класса фильтров для широкой области инфракрасного спектра я и мой ученик Виктор Верещагин получили Государственную премию СССР. Разработка широко применялась на практике. В Беларуси был налажен серийный выпуск инфракрасных фильтров и приборов для

спектрального анализа молекулярного состава и качества различных веществ. Но запатентовали новаторскую идею только на территории Советского Союза. У себя в Беларуси мы выпускали свыше 6 тыс. инфракрасных фильтров в год, а заявок было значительно больше.

Много талантливых молодых исследователей пришлось тогда работать и в мою лабораторию. И вскоре она стала одной из самых крупных в нашем институте – почти полсотни молодых ученых проводили научные исследования в области спектроскопии сложных молекул и лазерной техники. В целом за более чем полувековую трудовую деятельность мне удалось «вырастить» около 40 кандидатов и 11 докторов наук, двое из моих учеников – А.П. Войтович и В.А. Толкачев – стали академиками. Среди талантливой молодежи были и те, кто стал работать в ведущих зарубежных научно-исследовательских центрах. Так вот, один из них сначала в Интернете, а потом и в Кембриджской библиотеке нашел нашу книгу «Инфракрасные фильтры», написанную мною в соавторстве с В. Вереща-

Лауреаты
Государственной
премии СССР
академик
Н.А. Борисевич
и его ученик
доктор физико-
математических
наук
В.Г. Верещагин

гиным и М. Валидовым. Оказывается, в 1974 году ее перевели на английский язык и издали в США по заданию космического агентства NASA без нашего на то согласия. Надо сказать, что книги белорусских ученых переводились за границей, но впервые именно NASA инициировало публикацию. Безусловно, и инфракрасные фильтры тоже производились за рубежом.

– Николай Александрович, тем не менее, удача в науке улыбалась Вам неоднократно, о чем свидетельствуют награды – Ленинская премия, Госпремии СССР и БССР. Вам не было еще и 30, когда вы стали автором открытия. Настолько глубоко проникнуть в тайны мироздания удается далеко не каждому выдающемуся ученому.

– Я много трудился, поэтому был на передовых рубежах науки. Спектроскопия сложных молекул очень интересное направление. Явление стабилизации-лабильности электронно-возбужденных многоатомных молекул посторонними газами, открытое мной совместно с ленинградским ученым Б.С. Непорентом, широко используется в спектроскопии, люминесценции, фотохимии и квантовой электронике.

Но вы правы, открытий, действительно, не так много. В Беларуси, например, в XX столетии совершено только 8 открытий в областях физики, медицины, биологии и химии, авторами которых являются А.А. Ахрем, Н.А. Борисевич, Ф.И. Федоров, В.С. Улащик, В.А. Лапина и другие. Об этом можно прочитать в книге «Наука Беларуси в XX столетии». Я, как говорится, нашел время и целую пятилетку работал над ее изданием, собирал и анализировал материалы о развитии исследований и роли выдающихся научных деятелей нашей страны, отмечая все важные достижения.

– Это великий труд, подготовить столь уникальную по своей научно-исторической значимости книгу. Но в роли научного редактора Вам ведь выступать не впервой: вот уже 16 лет Вы возглавляете редакционную коллегию престижного международного издания, выходящего в Беларуси, – «Журнала прикладной спектроскопии». Между тем, это далеко не все Ваши таланты. Лучше расскажите, почему в Президиуме Академии наук Вас называли «великим строителем».

– Потому что «строить» мне тоже приходилось немало. Во время моего президентства предметом «пятилетней головной боли» стала визитная карточка Белорусской академии наук – ее Главный корпус. Уникальное, созданное по проектам известных архитекторов Г.Л. Лаврова и И.Г. Лангбарда, здание было введено в строй в 1940 году. Во время войны оно полностью сгорело. Восстанавливали его наспех, из подручных материалов. Перекрытия положили деревянные, а сверху дощечки, засыпанные песком, который постоянно сыпался сквозь щели, вскоре стала облетать и штукатурка. В общем, визитная карточка Академии и Минска была в плачевном состоянии и нуждалась в серьезной реконструкции. Отделаться элементарной побелкой и покраской было нельзя. Поэтому пришлось разрушить все внутри, оставить только несущие стены и, по большому счету, отстраивать здание заново. При наличии многих приоритетов, дефицита мощностей строительной отрасли очень трудно было добиться включения в план именно этого объекта. Без согласования с Госстроем СССР в Беларуси могли строить объекты, не превышающие установленный финансовый лимит в 3 миллиона рублей. Восстановление Главного корпуса Академии наук требовало большей суммы. Пришлось обратиться к первому секретарю ЦК КПБ Петру Мироновичу Машерову, у которого я уже находил понимание и поддержку в решении проблем науки.

В сложной системе планового хозяйства неоднократно приходилось проявлять необходимую настойчивость в различных союзных и республиканских органах. Просто я чувствовал огромную ответственность за порученное дело, объект ведь не простой – Главный корпус Академии наук! Потому и материалы для внутренней отделки здания собирал по всему Советскому Союзу. К примеру, о помощи в поставке ракушечника пришлось просить президента Академии наук Армянской ССР академика В.А. Амбарцумяна.

Доходило и до курьезных случаев. Поехал я как-то отдыхать в Ореанду в Крым. Так случилось, что на пляже оказался рядом с отдыхающим министром авиационной промышленности СССР. Солнце нас одинаково разморило. Чтобы не брать с собой в воду часы, он положил их на ка-

мень. Как вдруг вижу, что набежавшая волна смывает дорогие часы моего соседа в море. Не раздумывая, я нырнул наудачу за ними и... выловил. Министр авиационной промышленности СССР поблагодарил меня за спасение дорогой ему реликвии и отметил, что, если понадобится, обращайтесь, всегда рад помочь. Я вспомнил об этом обещании, когда долгое время не выполнялся заказ Академии о поставке алюминия. Тогда авиационная промышленность распоряжалась алюминием, так что проблемный вопрос быстро решился: министр выделил самолет, на котором из Новосибирска доставили ценный груз в Минск.

Наградой за мои «строительные тяготы» капитальной и дорожающей реконструкции служит признание Главного корпуса Академии не только архитектурно-историческим памятником, но и одним из символов нашей столицы.

Президент АН БССР Н.А. Борисевич обсуждает перспективы развития науки в Беларуси с первым секретарем ЦК КПБ П.М. Машеровым и президентом АН СССР А.П. Александровым. 1969 год

– Судьба сводила Вас со многими талантливыми руководителями и известными учеными большой Страны Советов, от Москвы до Новосибирска. Некоторые настолько вдохновились Вашими планами, что переехали в Беларусь и впоследствии основали научные школы у нас в стране.

– Старался привлечь в Беларусь стоящих лидеров, способных возглавить научное направление и заинтересовать научно-исследовательской работой молодых ученых. Надо было поднять уровень белорусской науки. Пригласил академика Гаврилу Ивановича Горецкого, который создал в нашей стране школу геохимии и геофизики, возглавил новый институт. Вырастил он себе и достойную смену. Сын –

Радим Гаврилович – тоже стал академиком.

Академика Р.И. Солоухина я пригласил из Новосибирска... Кстати, пытался «переманить» и Валентина Афанасьевича Коптюга. Так случилось, что к 1970 году возникла необходимость поиска за пределами республики кандидатуры на пост директора Института физико-органической химии Академии наук. Мне посоветовали пригласить в Минск заведующего лабораторией Новосибирского института органической химии члена-корреспондента АН СССР В.А. Коптюга. Нам было известно, что Валентин Афанасьевич – белорус и, воз-

можно, это будет еще одним аргументом в пользу принятия им нашего предложения. Валентин Афанасьевич охотно согласился встретиться в Минске, посетил Институт физико-органической химии, сделал интересный доклад, посмотрел город. Но в процессе беседы я понял, что перспективы у этого крупного ученого в Новосибирске значительно шире, да и возможности в Сибирском отделении АН СССР более масштабные. Потому вполне естественным было его решение остаться там.

Это было мое первое знакомство с Валентином Афанасьевичем, после которого мы на долгие годы стали друзьями. Я постоянно радовался его большим успехам в науке, научно-организационной и государственной деятельности. В Сибирском отделении я побывал трижды и поражался всему: широте и глубине научных исследований, новаторству в научно-организационной деятельности, взаимосвязи науки с практикой. Посещал лабораторию Валентина Афана-

Н.А.Борисевич (первый справа) среди членов делегации БССР на IV Международной конференции по применению атомной энергии в мирных целях. Женева, 1971 год

сьевича – мы с ним работали в близких областях науки. В 1977 году важное место в его исследованиях занимали проблемы изомеризации соединений ароматического ряда и химия карбониевых ионов. В моей лаборатории в Минске велись исследования по спектроскопии и люминесценции ароматических молекул. Валентин Афанасьевич также использовал спектроскопические методы. Более того, он один из первых в СССР на базе ЭВМ создал комплексную систему спектроскопических характеристик молекулярных соединений. Эту базу данных он передал Институту физики АН БССР. В дальнейшем происходил постоянный взаимный обмен новыми данными, пополнявшими систему.

– Выходит, Вы выступили инициатором развития более тесных связей с Сибирским отделением Российской академии наук, которые не смогли разрушить ни распад СССР, ни экономический кризис?

– Наука не имеет границ. Сотрудничество ученых Сибирского отделения РАН и НАН Беларуси только крепло. За лучшую совместную научную работу в 1999 году учреждена премия имени В.А. Коптюга. В 2001 году за цикл работ в области спектроскопии сложных молекул я с коллективом учеников совместно с коллегами из Новосибирска получил эту престижную премию.

По аналогии с Новосибирским научно-исследовательским центром я инициировал строительство Академгородка в Беларуси. После обращения к председателю Совета Министров Тихону Яковлевичу Киселеву под эти цели выделили огромную территорию – почти 160 га земли за кольцевой дорогой в районе Уручья. Первым строением, возведенным в планируемом масштабном научно-исследовательском городке ученых, стал лабораторный корпус Физико-технического института. В этот период были построены институты микробиологии, биоорганической химии, геохимии и геофизики и другие. Но дальше дело застопорилось: в связи с распадом Советского Союза строительство Академгородка в Уручье было прекращено. Долгострой – девятиэтажное здание Института физики – впоследствии передали Парку высоких технологий.

– Но зато в Вашем активе за 18 лет во главе Академии наук создание около десятка новых научно-исследовательских институтов: электроники, геохимии и геофизики, биоорганической химии, радиобиологии и других...

– Научно-исследовательский комплекс в рамках нашей страны нуждался в расширении. По тем временам сделать это было непросто: требовалось решение ЦК КПБ и Совета Министров БССР, затем утверждение в АН СССР, которая курировала всю науку, ГКНТ и, наконец, в Совете Министров СССР.

Кроме того, научные центры Академии базировались в основном в столице. Между тем и в других городах Беларуси работало много инициативных талантливых ученых, способных возглавить новое научное направление. Надо было развивать науку в областях республики, поэтому мы создавали региональные научные центры. В Гомеле – Институт механики металлополимерных систем и отделение Института математики, в Гродно – Отдел регуляции обмена веществ, преобразованный затем в Институт биохимии, в Могилеве – отделения институтов физики и физико-технического, в Витебске – отделение Института физики твердого тела и полупроводников. Новые центры приближали научные исследования к практике, давали возможность привлечения выпускников местных вузов к научно-исследовательской работе.

Академия наук БССР за этот период выросла почти в 2 раза и стала одним из крупных центров мировой науки. Было создано 10 новых НИИ, в 2,7 раза возросло число докторов и кандидатов наук. В итоге Белорусская академия наук прочно заняла третье место в СССР и наряду с лидерами – Академией наук СССР и Украинской АН, в 1978 году была удостоена ордена Ленина. При мощной государственной поддержке в Академии выросли научные направления мирового уровня по теоретической физике, физической оптике и квантовой электронике, физиологии, генетике, языкознанию и другим отраслям знаний.

– В этом ряду и Ваша научная школа...

– Научная работа всегда меня только поддерживала и вдохновляла: возможностью творческого общения, обмена знания-

ми и поиска нового. Будучи президентом Академии наук, я совмещал этот высокий пост с не менее ответственной работой руководителя лаборатории в Институте физики, где трудились мои ученики. Из большого коллектива исследователей, насчитывавшего около 50 человек, вышли в дальнейшем в лидеры В.А. Толкачев, А.П. Войтович и В.В. Грузинский, которые возглавили три новых лаборатории.

С 1987 по 2006 год, как академик двух академий – БССР и СССР, одновременно заведовал лабораторией Физического инсти-

Академик Н.А. Борисевич в одной из лабораторий Института физики АН БССР. 1980 год

тута имени П.Н. Лебедева РАН в Москве, которым руководил лауреат Нобелевской премии, дважды Герой Социалистического Труда академик Н.Г. Басов.

В Беларуси в лаборатории физики инфракрасных лучей я со своими учениками продолжал развивать проблематику фотофизики сложных молекул. В этой области мы получили важные результаты. Свидетельство тому – Ленинская премия и научные статьи, их у меня 300, и 3 монографии.

Исследовательский дух у нас не иссяк. О чем говорит, в частности, тот факт, что более 6 лет наш научно-исследовательский коллектив работает по грантам Международного научно-исследовательского центра.

– А что помогает Вам сохранить душевную энергетику?

– Наверное... музыка. Специального образования я не получил. Научился играть на гитаре, этого хватило, чтобы стать участником школьного оркестра. Дальше совершенствовал свое мастерство самостоятельно: мелодии перенимал на слух. Потом освоил скрипку. Но во время войны своего

музыкального инструмента лишился. Немцы и полицаи устроили у нашего дома засаду, чтобы схватить партизан, меня и старшую сестру Веру. Но это им не удалось. Произвели обыск, нашли скрипку и забрали. Я решил в отместку конфисковать у врагов такой же инструмент. Правда, потом добытую мной немецкую скрипку почти год в вещмешке за спиной таскал.

– Вам пришлось пройти и военные университеты. Чем памятные события тех лет, и как Вы относитесь к тем, кто хотел бы сегодня переписать историю героического подвига советского народа?

– Незабываемо горькое ощущение, что ты уже на своей земле не хозяин. Особенно, когда ты молод и полон несбывшихся планов и надежд. Таким был я в далеком 1941 году – выпускник Селибской средней школы Березинского района, которому война помешала поступить на физико-математический факультет Белорусского государственного университета.

Эхо от взрыва моста на реке Березине стало для нас, местных жителей поселка Лучной Мост, который располагался примерно в 90 километрах от Минска, свидетельством прихода оккупантов. Установив в округе свою власть, они потребовали беспрекословного выполнения своих приказов. Но их запугивание расстрелом без суда и следствия только усилило дух сопротивления. Собирая в окопах на местах боевых действий оружие и боеприпасы, наша немногочисленная подпольная группа – всего 6 человек, в основном родственники и односельчане – вносила свой вклад в борьбу с фашистскими захватчиками. В 1942 году удалось связаться с партизанами, дислоцировавшимися в Кличевских лесах, которым постепенно мы и переправили собранный арсенал. Наша активная деятельность, в результате которой практически весь поселок превратился в партизанский штаб, не могла оставаться незамеченной. Поэтому мы ушли в леса. Там началась моя деятельность в качестве подрывника. Взрывал мосты и составы на железной дороге Бобруйск – Жлобин, участвовал во многих военных операциях. Командовал взводом, который состоял из

Красноармеец
Николай
Борисевич
в 1945 году.

Председатель
Комиссии
НАН Беларуси
по истории
науки академик
Н.А. Борисевич
в рабочем
кабинете. 2010 год

трех отделений общей численностью более 30 человек. У меня в подчинении был даже старший лейтенант. Впрочем, в партизанах не так важно было твое воинское звание, а то, как ты себя проявил на деле.

Вспоминаются и такие моменты. Теплый майский день, пробуждение природы, всё в цвету, поют птицы. И ты завидуешь их свободе. А нас в нашей же стране преследуют фашисты.

Партизанское движение в Беларуси носило массовый характер, ему трудно найти аналоги в истории. Этим мы прославились на весь мир. Без широкой поддержки населения массовое сопротивление врагу не могло бы настолько развиться и долго существовать. Так что утверждение некоторых писак, что в годы войны шла граждан-

ская война, не имеет никакого основания. Белорусский народ боролся против поработителей нашей Родины. Каждый человек в такой борьбе – патриот. Ведь осознание своей роли на Земле начинается именно с любви к Отчизне, к родному дому и близким тебе людям. Желание защитить то, что тебе дорого, придает силы бороться, жить, творить.

Я горжусь, что в юности выбрал правильный жизненный путь и как истинный патриот сражался за Родину, свободу и независимость Беларуси.

– Николай Александрович, Ваша сложная и удивительная судьба провела Вас через годы военного лихолетья, оптимистичного социализма и неопределенности перестройки. Через все эпохи Вы принесли свой дар ученого, раскрыли в себе талант выдающегося организатора, сумели разглядеть среди молодых исследователей будущих академиков. Так, может, в этом и есть счастье?

– Очень метко на этот счет сказал классик русской литературы Лев Николаевич Толстой: «Есть два желания, исполнение которых может составить истинное счастье человека, – быть полезным и иметь спокойную совесть».

Беседовала
Снежана МИХАЙЛОВСКАЯ